

ЭТНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Автор: И. Б. ОРЛОВА

ОРЛОВА Ирина Борисовна - доктор философских наук, профессор, зав. Отделом Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) (E-mail: irorlova@mail.ru).

Аннотация. Автор с привлечением конкретных текстовых материалов критически анализирует черты и особенности, характерные для переписывания истории в духе "этнизации", что происходит в значительной части постсоветских государств и национальных регионов внутри России. Прослеживается их обусловленность определенным социальным и политическим контекстом.

Ключевые слова: историческое знание * этническое сознание * переписывание истории * этнический историзм * постсоветские государства

Характерной особенностью государств, появившихся на месте разрушенного Советского Союза, является переписывание в них историй, создание "новых", "своих", отдельных для каждой из бывших союзных республик. Эти истории, в большинстве случаев, утрачивают общие черты. Они пересматривают века совместного проживания, по-иному расставляют акценты. Новая идентичность строится на отрицании общей советской идентичности, общих завоеваний, горестей и побед.

"Новая" история, судя по опубликованным в 1990-е-2000-е гг. работам, приобрела четко выраженную этническую окраску, что свидетельствует о сформировавшемся специфическом феномене - *этническом историзме*. Он отличается, в частности, тем, что классовые, социальные, политические факторы, действующие в истории, отходят на задний план, а на первый выходят факторы этнические. Стало считаться, например, что только "национальный" историк может создать реальную историю своей страны. При этом "национальный" трактуется как "этнически свой".

Тенденция этнизации сливается с политизацией истории. Скажем откровенно: "новые" истории на постсоветском пространстве конструируются с заранее заданной политической целью при помощи определенным образом отобранной информации, влияющей на массовое сознание. В статье не ставится цель анализа различных современных интерпретаций истории. Мы ограничиваемся задачей раскрыть отмеченные тенденции на конкретном материале, характеризующем состояние исторических знаний в постсоветских государствах и отдельных регионах внутри России.

При всей неоднородности и противоречивости в историческом дискурсе в новых независимых государствах можно выделить следующие *особенности*. Первая и главная - его этническое основание; вторая - антироссийская направленность, поиск

образа врага; третья - пересмотр галереи великих личностей и памятных дат; четвертая - героизация собственного прошлого, "удревнение" своей истории и поиск корней среди древних цивилизаций. Их можно проиллюстрировать конкретными примерами из отдельных государств. Начнем с европейской части бывшего Советского Союза.

Украина. Здесь к середине 1990-х в учебной литературе по истории достаточно четко проявилось влияние антироссийского политического курса новых властных элит. Оно сказалось на специфике исторического видения, формируемого этой литературой и состоящего в *отталкивании от российской истории и ее тотальном отрицании* [см. 1, с. 122 - 127]. И это вполне понятно, так как сформировать отдельную украинскую историю можно только, насильственно отделив ее от российской, искусственно разделяя то, что было нераздельным.

Крайняя степень негативизма характерна для оценок влияния русского языка и русской культуры. В учебниках и методических пособиях появились специальные разделы под названием "Русификация" [см. 2]. Характерно, что если прежде этот термин в работах украинских историков использовался только применительно к политике царского правительства, то в новых постперестроечных учебниках он непосредственно характеризует советскую национальную, языковую и культурную политику. Для большего эмоционального воздействия на школьников в учебники перекочевала публицистическая метафора "духовный Чернобыль" [3].

Советская Украина в учебниках приобретает образ колонии. Украинский советский партийный аппарат трактуется как колониальная администрация, обслуживающая интересы оккупационного режима и московских верхов. Проводится мысль о том, что прогрессивное развитие Украины и украинцев происходило не благодаря, а в значительной степени вопреки русско-советскому влиянию [4].

По мнению некоторых украинских ученых, новая концепция истории Украины уже создана. Ее главные составляющие: Киевская Русь есть государство украинского народа; освободительная война и народная революция середины XVII в. создали Казацкую державу; национально-освободительное движение привело к украинской революции 1917 - 1920 гг. и к возникновению государства Украинская Народная Республика (УНР); Октябрьская революция 1917 г. трактуется как большевистский переворот, а события 1917 - 1920 гг. - не как гражданская война, а как военно-большевистская экспансия в Украину [5]. В этом контексте провозглашение независимости Украины в 1991 г. представляется как главный итог и главная цель, к которой украинский народ шел почти тысячу лет.

Видимо, логика такова: если Киевская Русь - украинское государство, это позволяет опровергнуть мнение о себе как о "негосударственной" нации и избавиться от комплекса "младшего брата", поскольку в такой интерпретации "младшие" уже не они, а русские. Следует отметить: многие профессиональные историки не разделяют политизированных трактовок ранней украинской истории и этногенеза украинцев. Но показательно, что газета, посвященная исторической тематике - "Історія України", редколлегия которой состоит из ученых Института истории Украины, публикует подобные радикальные версии под рубрикой "в помощь учителям истории".

Составной частью переосмысления истории стала героизация прошлого Украины. Статус "выдающихся национальных деятелей" присвоен князьям Киевской Руси, гетманам И. Мазепе, П. Орлику, а также украинским политическим деятелям XX в. М. Грушевскому, В. Винниченко, С. Петлюре, С. Бандере. Деяния каждого из названных лиц стараниями некоторых украинских историков получили новую трактовку. Учебники истории, например, объясняют детям, что Украинская повстанческая армия под руководством С. Бандеры к 1943 г. "освободила от немцев большинство городов Украины".

По-иному трактуются многие события. Так, включение Крымского полуострова в состав Украины было якобы "попыткой переложить на ее плечи моральную ответственность за выселение татарского населения и вынудить взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова". Это цитата

из учебника истории для пятого класса, рекомендованного министерством образования Украины. В том же учебнике сообщается, что голодомор 1932 - 1933 гг. был организован Москвой специально, чтобы "подавить волю украинцев к независимости". О том, что тогда страшный голод разразился и в Поволжье, и в Казахстане - ни слова. Уже несколько лет новое руководство Украины обращается в ООН с просьбой о признании голодомора 1932 - 1933 гг. геноцидом украинского народа. Но эта международная организация пока признала голод 30-х годов "трагедией Украины и других республик бывшего СССР". Такая редакция явно не устраивает действующего украинского президента, под давлением которого на Украине законодательно введены санкции за публичное отрицание трактовки голодомора как геноцида украинцев.

Как видим, историки Украины в 1990-е годы оказались вовлеченными в крайне политизированный процесс "поиска корней". Этот поиск оказался далеким от науки. Появилась масса публикаций, призванных стимулировать интерес широких масс к собственному прошлому, чаще всего придуманному. Журналы и газеты начали публиковать рассказы о так называемых "украхах", которые несколько тысяч лет назад дали название Украине; о том, что трипольские племена, жившие на территории Украины в период неолита, создали первую в Европе письменность, которую потом использовали финикийцы. Дело дошло до публикации журналом "Вісник НАН України" (НАН - Национальная академия наук) книги Ю. Канигина "Путь ариев", автор которой утверждал, что украинцы являются прямыми потомками индоевропейских ариев [см. 1, с. 217].

Дискурс этнического историзма ныне стал главенствовать в Украине, поскольку именно он соответствует политическому заказу высшего руководства страны профессиональным историкам. В историческую науку проникает новая мифология, включающая представления о том, что украинцы - очень древний этнос, что украинская нация существовала еще в эпоху Киевской Руси, что национальная государственность была уже в середине XVII в. и т.д. Историческое информационное поле, заполненное вновь созданными историческими мифами, конструируется по сугубо конъюнктурным лекалам. В целом можно говорить о том, что к концу 1990-х гг. в украинском историческом знании произошли концептуальные трансформации, содержанием которых стал радикальный украинский национализм.

Беларусь. В этой стране также появились историки, в трудах которых можно встретить негативное отношение к ряду аспектов истории российско-белорусских отношений, присутствуют темы критики "москвоцентричной истории" [6]. Но это лишь единичные публикации, не определяющие тенденции развития исторической науки. Белорусские учебники по истории, как правило, дают сбалансированную оценку российско-белорусских отношений. Исключительно уважительное отношение сохраняется к совместной борьбе белорусов и русских (а чаще - всего советского народа) в годы Великой Отечественной войны. В отличие от многих других постсоветских государств в Беларуси нет никакой "войны" с памятниками и могилами. В отношении советской эпохи преобладают взвешенные оценки, с признанием для Беларуси существенных приобретений, в том числе территориальных.

За древнерусским государством - Киевской Русью - признается ведущая роль в этногенезе белорусского этноса и его культурно-историческом развитии. Несмотря на длительное влияние польского и литовского факторов, в историческом сознании белорусов, насколько можно судить по литературе, сохраняется идея славянского единства при высокой степени этнической толерантности.

В *Молдавии* сегодня изучают не собственную историю, а историю румын. Общих постулатов несколько: все, что связано с Румынией и румынами - идеализируется, с Россией же - негативизируется. Все трактуется в соответствии с этой примитивной схемой. Например, маршал Антонеску, которого Гитлер лично благодарил за радикальное решение еврейского вопроса, оказывается большим либералом и демократом. Вторая мировая война интерпретируется соответствующим образом. Так, в учебнике "История румын. Новейшее время" сказано: "молдаване из Транснистрии (так назы-

вают Приднестровье в Кишиневе) подвергались гнету русских". Утверждается, что Румыния оказалась в одной связке с Гитлером, "находясь между двумя империями, лишившись поддержки западных стран. Таким образом, она становилась возможным объектом нападения как со стороны СССР, так и со стороны других соседних стран, территориальной целостности стала угрожать реальная опасность".

Латвия. Со времени "восстановления независимости" здесь было издано несколько учебников по истории. В них в соответствии с программой, утвержденной Министерством образования и науки Латвии, Россия рассматривается лишь в контексте мировой истории и "очень фрагментарно". При описании времени, предшествующего Второй мировой войне, акцент в учебниках делается не на Мюнхенских соглашениях, а на пакте Молотова-Риббентропа. Помимо нового школьного учебника истории вышла "История Латвии. XX век". Несмотря на то, что эта книга предназначена "для широкого круга читателей" и не является обязательной для изучения в школах, многие учителя, особенно в школах с латышским языком обучения, проводят уроки на ее основе. Издание отличается откровенно политизированным характером. Достаточно отметить, что период с 1940 по 1991 г. называется в книге "оккупационным", а легионеры СС объявлены "борцами за свободу своей страны".

Эстония. В учебнике истории для начальной школы учащимся говорят о "принудительном договоре о советских военных базах", об ультиматуме 16 июня 1940 г., "насильственном" включении Эстонии в состав СССР, о том, что "сразу же после прихода советских войск в Эстонии начался политический террор". Восемь столетий отношений между Эстонией и Россией в учебниках рисуются как постоянная череда войн и нашествий, в которых маленькая Эстония всегда выступала стороной страдающей. За перечислением сожженных городов, разоренных хозяйств в сознании эстонского школьника вырисовываются многовековой конфликт и формируется убеждение, что геополитические и культурные корни этого конфликта никуда не исчезли.

Нагнетая антироссийские настроения в среде, прежде всего, "титального" населения, страны Балтии готовятся выставить России счет за годы "оккупации". Так, для подсчета "ущерба" в Латвии создана специальная комиссия с ежегодным бюджетом в 200 тыс. латов (400 тыс. долл.). К 2010 г. она должна определить сумму. Пока говорится о 60 - 100 млрд. долл. (современный государственный бюджет Латвии составляет примерно 5 млрд. долл.) [7]. Литва рассчитывает получить от РФ 20 млрд. долл. [8]; Эстония - 4 млрд.

В очередь за компенсациями от России встал и **Азербайджан**. Депутаты азербайджанского парламента следуют примеру прибалтийских стран и предлагают создать комиссию для подсчета размера компенсации "за ущерб", нанесенный якобы во времена СССР и даже Российской империи. Называют сумму в один миллиард долларов. Весьма расхожим стал тезис о том, что Россия должна расплатиться и за бакинскую нефть, "благодаря которой СССР выиграл Великую Отечественную войну" [9].

Грузия. Пространство исторической информации в современной Грузии включает распространенные в массовом сознании представления о древних традициях национальной государственности, восходящей к эпохе эллинизма. Древнегреческий мифологический цикл о путешествии аргонавтов по Эвксинскому понту в Колхиду, считают здесь, отражает реальные эпизоды взаимодействия предков грузин с греками, а Колхидское царство Айэта - представляет собой первое национальное грузинское государство. В 2000-м г. на официально-государственном уровне отмечался 3000-летний (!) юбилей грузинской государственности. "Дата была установлена на основании "научного консенсуса", к которому пришли виднейшие грузинские историки, посчитавшие, что названная дата вполне соответствует историческим реалиям" [1, с. 166]. Подобного рода датировки являются результатом не научных изысканий, а политических запросов. "История должна соответствовать текущему моменту" - таков ключевой тезис, характеризующий подход к интерпретации истории в современной Грузии.

Историческая оценка российско-грузинских отношений в различные периоды носит в основном негативный характер. Тезис о том, что присоединение к России

спасло Грузию от неминуемой гибели, от поглощения Османской империей и сефевидским Ираном, сегодня оспаривается. Пишется, что "двухсотлетнее господство России" "отодвинуло Грузию назад на пути мировой политики". В учебниках "История Грузии" (10-й, 11-й классы) Россия представлена в качестве империи, проводившей захватническую политику в отношении своего соседа. В школьном пособии, изданном в 2003 г., делается вывод: "России, как и любой другой стране, стремящейся к захвату земель, не нужна была единая и сильная Грузия". Авторы пишут о российской колониальной политике, вследствие которой Грузия потеряла свою государственность. Представители царского дома Багратиони преследовались, автокефалия грузинской православной церкви была ликвидирована, проводилась демографическая и социальная экспансия. На территорию Грузии были намеренно переселены представители других национальностей. "Руководители российской колониальной политики хорошо понимали, что представители других национальностей, проживающие в Грузии, всегда будут опорой России", - заключают историки.

Наиболее резкие оценки относятся к советскому периоду. (При этом неприятие тоталитарного советского правления сочетается с исключительно почтительным отношением к личности И. В. Сталина.) Советский период характеризуется в таких терминах, как "исторический провал", время, нанесшее "непоправимый урон" этнополитическому и этнокультурному развитию страны. Официальная Грузия по решению гамсахурдиевского Верховного Совета исключила из перечня государственных праздников День Победы. Его не удалось "реабилитировать" и в последующем. Парламентарии аргументировали свою позицию тем, что, по их мнению, грузины - бойцы Советской Армии - боролись за какую-то другую страну и за интересы другого строя.

В учебнике для старшеклассников цитируется текст "Акта государственной независимости Грузии", который был принят 9 апреля 1991 г. В нем, в частности, говорится о том, что "в 1921 г. Советская Россия грубо нарушила грузино-российский мирный договор 1920 г. и путем вооруженной агрессии совершила оккупацию признанного ею же грузинского государства, за чем последовала его фактическая аннексия". В Акте сказано также, что "весь период нахождения Грузии в составе СССР был отмечен кровавым террором и репрессиями..., скрытая война против Грузии продолжается и сейчас. Ее цель остановить движение Грузии к свободе и демократии..."

История, трактуемая в соответствии "с текущим моментом", питает современную официальную грузинскую идеологию, использующую для обоснования избранного руководством страны западного вектора развития - антисоветизм и явную русофобию. Подобно прибалтийским государствам Грузия претендует на получение от России компенсации на сумму в 6 млрд. долларов.

Армения. Практически полное отсутствие русофобии и россиефобии является отличительной особенностью современного состояния исторического знания в данной стране. (Этим она напоминает Белоруссию.) Четыре темы преобладают в армянском историческом дискурсе: древность истории и культуры, первородство армянского христианства, геноцид народа 1915 - 1922 гг. и карабахский конфликт.

Осознание армянами "исключительности" своей культурной миссии восходит к церковной историографии средних веков, создавшей образ христианского народа во враждебном окружении. Армения рано приняла христианство - в 301 г. н.э., но уже в V в. после Халкедонского собора догматика Армянской апостольской церкви разошлась с догматикой почти всех других существовавших в то время христианских конфессий. Это породило устойчивый исторический миф, гиперболизирующий роль армян в развитии культуры и цивилизации [см. 1, с. 147].

Исторические исследования и в этой стране привлекаются к решению политических проблем, в частности, обоснованию автохтонности армян на территории Карабаха. Это нашло отражение и в учебной литературе. В учебниках истории акценты перенесены от "комплекса геноцида" на осознание автохтонности, величия армянской истории и культуры.

Казахстан. В создание истории этой страны большой вклад внесли представители российской востоковедческой школы. Сегодня он признается как "исключительный" (труды Н. А. Аристова, Б. Бартольда, В. В. Вельяминова-Зернова, С. П. Владимирцева, Н. Красовского, А. И. Левшина, А. Ф. Рязанова и др.). Вместе с тем отмечается, что их трактовки носят "экстраспективный" характер. В общественное мнение внедряется тезис, что "настоящая" история казахов, поскольку она создавалась "не казахами", раскрыта не до конца, либо она имеет не всегда правильную трактовку.

Что характерно для начавшегося здесь процесса формирования "своей" независимой истории? Как отмечает историк М. Сембитов, - преодоление некоего "комплекса" кочевничества, осознание того, что "в прошлом мы были какими-то не такими, как все". Уникальность кочевничества в массовом сознании порой ассоциировалась с "варварством", "отсталостью". И нам во что бы то ни стало надо было доказать, что мы не такие, что у нас вполне респектабельное прошлое, насыщенное проявлениями массового гуманизма" [1, с. 180]. "Доказательством" активно занялись представители всех гуманитарных наук: в середине 1990-х гг. самой "диссертационной" была тема кочевничества, трактуемая в духе особенностей "номадической цивилизации".

История в современном Казахстане представляет собой достаточно пеструю палитру: от мифологем, в которых обосновывается, что саки являются прямыми предками казахов, что Чингисхан был именно казахом (К. Данияров), до сохраняющейся "старой" советской профессиональной исторической школы. Столь же неоднозначно и массовое историческое сознание, отражающее неоднородность современного казахстанского общества. Касясь оценок советского периода, М. Сембитов пишет, что для казахов "эти годы наполнены страданиями и жертвами и одновременно связаны со сменой культурно-хозяйственного уклада, обретением пусть мнимой, но государственности". Для казахстанских русских - "это период не только массовых репрессий и господства командно-административной системы, но и период, когда они принадлежали к так называемой титульной нации, когда у них не возникало проблем с языком, а было ощущение национального комфорта" [1, с. 171]. Мы не комментируем оценки цитируемого автора, которые не всегда отличаются корректностью; нам важно показать, как сегодня оценивают ситуацию сами казахстанские историки.

Галерея исторических личностей в Казахстане также претерпела изменения. Она пополнилась именами казахских ханов, баев, деятелей партии "Алаш", представителями репрессированной казахской интеллигенции. Антигероями стали атаман Ермак, советские партийные деятели Ф. Голощекин и Г. Колбин. Единственное, что не подверглось ревизии - это отношение к Великой Отечественной войне, сохранение Дня Победы в числе государственных праздников, что, как известно, характерно не для всех постсоветских государств.

Подобно украинским историкам, казахские - вбрасывают в массовое сознание мифологемы о том, что в сталинский период целенаправленно истреблялась будто бы только казахская национальная интеллигенция, что голод 1932 - 1933 гг. был "специально" организован с целью полного уничтожения казахского этноса. Сюжет о целине также трактуется негативно: освоение целинных и залежных земель якобы не дало никаких значимых экономических выгод, но привело к полному выветриванию плодородной почвы на обширных территориях; центр намеренно проводил политику сохранения экономической отсталости республики, развивая только сырьевые и добывающие отрасли экономики.

В Казахстане, как и в других постсоветских государствах, официальная власть активно влияет на развитие исторической науки, считая ее одной из главных составляющих идеологического воздействия на население. Поскольку изменились задачи, стоящие перед властью, в историческом знании стали преобладать новые категории: вместо классовой борьбы и пролетарского интернационализма - национальная независимость, государственность, национальные интересы; вместо формации - "номадическая цивилизация" и т.д. И хотя президент Н. А. Назарбаев еще в начале 1990-х гг. провозгласил принцип "центризма" как исторической позиции, призвал "хранить па-

мать, крепить согласие" для сохранения единства неоднородного казахстанского общества [10] - в официальной историографии и в массовом историческом сознании "центризм" достигается пока с трудом.

Российские республики. Этнический историзм пытается занять господствующее место в современном историческом знании не только в новых независимых государствах, но и в многих республиках, находящихся в пределах России. Нужды политики и этнического самосознания способствовали тому, что основными темами для работ профессиональных историков в этих республиках стали поиски "врагов", "копание" в исторических корнях, этногенезе, воспевание своих реальных и мифических героев.

В некоторых работах появилась принципиально иная оценка вхождения народов в состав российского государства. Как экспансионистская представлена рядом башкирских историков политика России в **Башкирии**. Последствия этой политики оцениваются исключительно как негативные, пишется, что включение башкир в состав Российского государства поставило их перед серьезными испытаниями за право существования как этноса, а проводником "имперской политики" являлся "русский народ, движимый ненасытным захватническим духом" [11]. Объективности ради, необходимо отметить, что наряду с "новыми" подходами в историографии сохраняются и "старые", трактующие присоединение башкир к русскому государству как глубоко прогрессивное событие [12].

В Татарстане популяризуется идея о том, что борьба за независимость Казанского ханства, стремление отстоять "суверенное государство" явились "поистине высочайшим образцом проявления силы духа наших предков, достойным всяческого восхищения и подражания" [1, с. 282]. День взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. стал в последние годы отмечаться здесь как "День памяти" татарского народа (15 октября), когда проводятся траурные мероприятия в честь тех, "кто погиб в борьбе за свою независимость".

Особого внимания заслуживает стремление властей Татарстана "доказать" древность своей столицы. В исторической науке принято датировать города по упоминанию о них в летописях. Первой, бесспорной датой упоминания Казани в русских летописях считается 1391 г. Но эта дата "не подошла" по политическим соображениям. Нужно было искать новую. К работе по обоснованию тысячелетнего возраста Казани, начиная с 1996 г., были привлечены более 120 ученых, заключено 69 договоров на проведение научно-исследовательских работ. В рамках археологической экспедиции "Казанский кремль" на средства городского бюджета было заложено 20 археологических раскопов. Было изучено более 350 единиц источников и литературы, в которых прямо или косвенно присутствует информация об истории Казани. Источники, освещающие основание Казани, оказались очень противоречивы. Традиционный западный исторический взгляд на Казань предполагает основание этого города не раньше XIII-XIV веков. Этому взгляда придерживаются все западные энциклопедии и словари (Большой универсальный Ларус, Новая Британская энциклопедия, Словарь универсальной истории и энциклопедический словарь). Самая древняя дата основания Казани, которую удалось обнаружить ученым в западных источниках, находится в энциклопедии Ислама и связывает появление города с именем Батыя (1235 - 1237).

Вся аргументация "удревнения" Казани была построена на археологической находке в конце 1990-х гг. - керамике, отнесенной учеными к периоду X - начала XI вв., а также чешской свинцовой монеты X в. и еще одной монеты арабского происхождения, тоже датированной X веком. На этом основании было сделано предположение, что Казани может быть 1000 лет. Так историки выполнили политический заказ.

В республиках *Поволжья* специализирующиеся на этнической истории ученые называют себя как "чувашеведы", "татароведы", "мариведы". Между ними идет настоящая битва в стремлении доказать, что именно их народ - самый древний из проживающих на данной территории или самый культурный, или находится в прямом родстве с народами, представляющими древнейшие цивилизации: этрусками, шумерами,

древними греками. И вообще, что тюркские народы жили в Европе издревле, что они ниоткуда не пришли, а жили здесь всегда.

Особый предмет спора - о том, кто является "настоящим" прямым потомком древнего государства Волжской Булгарии, на территории которой ныне проживают многие поволжские народы. Чувашеведы считают, что "чуваши - это прямые потомки волжских булгар" [1, с. 278] и что попытки отождествления булгар с татарами - явно ошибочны и тенденциозны. Для татароведов аксиомой является обратное: у предков чувашей вообще не было никакой государственности, и к булгарам они никакого отношения не имеют. Для них абсолютно ясно, что Булгарское государство, которое было великой и могучей державой мира, переросло в Казанское ханство. Поэтому только казанские татары являются прямыми наследниками булгар [1, с. 278]. Мариведы также вносят свою лепту в дискуссию, но ограничиваются предположением, что вряд ли удастся найти точный ответ на то, откуда и когда произошли марийцы, и кто был их предком. Чувашеведы вынуждены признать, что этногенез их народа остается для историков одной из сложнейших тем, поскольку письменных источников по его истории до середины XVI в. почти не сохранилось.

Северный Кавказ. Исследователи современной историографии Северного Кавказа свидетельствуют, что работы местных авторов нередко "исполнены мании этновеличия". Национальные историки соседних республик с "фактами" в руках доказывают диаметрально противоположные идеи, невзирая на противоречия и перехлесты [1, с. 264].

В большинстве северокавказских республик происходила переоценка исторических деятелей. Центральным историческим персонажем стал имам Шамиль, двухсотлетний юбилей которого широко отмечался в 1997 г. Наряду с ним к числу культовых исторических деятелей были отнесены и другие, не столь масштабные персоны из числа религиозных деятелей, просветителей, идеологов национализма.

В регионе легализовалось преподавание исламской догматики в мектебах и медресе. В преподавании истории в региональной школе наряду с общефедеральными учебниками, утвержденными Министерством образования РФ, согласно закону об образовании 1992 г., предусматриваются и свои собственные по курсу национальной истории. В Чечне, например, отказались от общефедерального учебника истории и утвердили собственный, со своей трактовкой чеченской и российской истории [1, с. 261].

Историограф Л. Гаталова пишет: "Ныне подавляющему большинству региональных исследователей присуща безапелляционность, не подкрепленная (за редким исключением) серьезными доказательствами. Им свойственна также склонность к тотальной негативизации прошлого. Суждения о жестокой экспансионистской политике, колониальном гнете, ассимиляции, русификации, христианизации и геноциде заслоняют или крайне искажают реальную, гораздо более неоднозначную картину российско-кавказской истории... Опасный вирус этноцентризма проник в исторические труды, снижая и без того невысокий их уровень: сказался разрыв научных связей, финансовые проблемы гуманитарных наук, массовый отток кадров. Забвение богатых традиций исторического кавказоведения (в первую очередь, дореволюционного) и утеря элементарного профессионализма множат появление псевдонаучных концепций" [1, с. 264].

На Северном Кавказе, как и в других постсоветских территориях, появилось множество дилетантов от истории, бросившихся с пылом неопита опровергать общепризнанные в науке концепции. Популярным в "вульгарной историографии" стал прием экстраполяции какой-либо древней культуры на современный этнос. Так, балкарцы и карачаевцы оказались "наследниками" шумерской цивилизации (И. М. Мизиев), все адыги - по одной версии, потомками шумеров, по другой - хеттов (А. Бакиев), вайнахам, т.е. чеченцам и ингушам, в качестве почетных предков "достались" древние египтяне (А. Измайлов) и этруски (Ю. Хаджиев, Р. Плиев), осетинам - арийцы (Б. Техов) [см. 1, 264 - 265].

Как видим, новые, в значительной мере политизированные концепции разработаны историками, отвечающими на социальный заказ, даваемый региональными властями и местными этноэлитами. В этой связи не приходится говорить о независимости академического научного знания. Работы национальных историков обсуждаются не только и даже не столько в научной среде, они выплескиваются в местную прессу, в СМИ, которые стремятся в определенном ключе формировать сознание широких кругов населения региона.

"Федеральная "российская история. Если в ряде регионов внутри России стали писать свою этнизированную историю, то на федеральном уровне сложилась иная ситуация. В течение всех 1990-х годов на этом уровне не иссякал поток разоблачительной исторической литературы, трактующей события российской, в основном советской истории, исключительно в негативном ключе. Авторы как бы соревновались между собой в резкости суждений и разоблачений, дегероизируя историю своей страны. Академические историки даже разрабатывали проект под названием "Пять процентов правды", обосновывая, что "знакомая" история правдива лишь на пять процентов, и ставили целью раскрыть глаза общественности на остальные девяносто пять.

К концу XX в. поток разоблачений "проклятого прошлого" стал постепенно иссякать. Постепенно уменьшился спрос на исторические сенсации, массовое сознание насытилось негативной информацией и устало от всеобщего поношения. Спецификой "федерального" исторического знания продолжает оставаться *отсутствие этнического историзма*, столь характерного для национальных территорий. "В отличие от лидеров других государств, возникших на постсоветском пространстве, российская властная элита до сих пор не обозначила достаточно четко своего отношения к русской проблеме и национальной русской истории. Это значит, что создание особой русской истории, автономной от истории России и СССР, не воспринимается на этом уровне как политическая проблема и государственная необходимость" [1, с. 301]. Поиск актуальной "русской идеи" стал одной из тем современного исторического знания, при этом его основополагающим принципом стал *этатизм*. Национальная идея воспринимается прежде всего как идея государственная, державная, но не этническая. Отношение к русской истории трактуется прежде всего как к истории Государства российского.

Заключение. Историческое знание - мощное средство социального влияния, которое активно используется властью; при этом оно может искажаться. "Настоящее" делает запрос "прошлому" и конструирует прошлую социальную реальность по своим запросам, с чем приходится часто встречаться сегодня. Искаженная история обычно обслуживает интересы новых властных элит, присущее им этнократическое понимание национальных целей [см.: 13].

Переписанная "новая" история носит ярко выраженную этническую окраску, поэтому можно говорить об этнизации исторического знания, об *этническом историзме*, формирующем историческое сознание у граждан постсоветских государств и национальных регионов в России, что имеет далеко идущие социальные и политические последствия.

Приведенные примеры переписывания истории показывают использование постсоветскими государствами целого ряда методических приемов и технологий, безотказно действующих на население: школьников, читателей, зрителей, слушателей. Среди них: избирательное отношение к историческим фактам, гиперболизация и манипуляция цифрами, мифотворчество, фальсификация, демонизация и дегуманизация оппонента и прямая ложь. Возможно, все это отражает своего рода "болезнь роста" новых государств, которые не в состоянии самоутвердиться и консолидировать свои общества иными способами. Формирование собственной идентичности у них строится на отрицании целого пласта общей истории и отталкивании от общей в прошлом для всех идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Национальные истории в советском и постсоветских государствах, М., 2003.
2. *Свидерська В., Панькив М., Батиг С.* История Украины XX столетия в вопросах и ответах / Ответы на экзаменационные билеты для 11 кл. дневных и общеобразовательных учебно-воспитательных учреждений. Тернополь, 1997. С. 43.
3. История Украины (на укр.яз.). Учебное пособие / Под ред. *Смолия В. А.* Киев, 1997. С. 361.
4. *Турченко Ф. Г., Панченко П. П., Тимченко С. М.* Новейшая история Украины. Часть вторая (1945 - 1995). 11 кл. (на русск. яз.). Киев, 1995. С. 186.
5. История Украины - дисциплина государственническая. Интервью зав.кафедрой истории Украины Донецкого государственного университета Р. Д. Ляха (на укр.яз.) // Урядовый курьер. 1998. 11 липня.
6. *Бич М. О., Сидоров В. И., Фомин В. М.* История Беларуси. XX век. Учебное пособие для 10 - 11 кл. средних школ. Минск, 1992. С. 3.
7. www.narodinfo.ru/print/6840html
8. www.gazeta.ru/print/2003/01/05vresmaterial.shtml
9. Lenta.ru.
10. *Назарбаев Н. А.* Хранить память, крепить согласие // Мысль. 1998. N 3. С. 2.
- И. Бишиев А. Г.* Нация и национальная политика. (Критический очерк). Уфа, 1995. С. 123. Цит. по: [1, с. 282].
12. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. / Отв. ред. *Усманов Х. Ф.* Уфа, 1996. С. 486.
13. См.: *Тощенко Ж. Т.* История - поле этнократических амбиций // Этнократия: история и современность (Социологические очерки). М., 2003.